

# ПАМЯТИ АКТЕРА

Смерть оборвала жизнь большого художника-гражданина Соломона Михайловича Михоэлса, замечательного артиста и режиссера, крупного общественного деятеля, посвятившего свою жизнь служению советскому народу.

Долгие годы Михоэлс возглавлял Государственный еврейский театр, он воспитал плеяду талантливых актеров и режиссеров, много работал с драматургами.

Как артист, Михоэлс создал на сцене незабываемые образы трагического короля Лира, бунтаря Тевье и многие другие.

Многогранное творчество Михоэлса принесло ему любовь и признание советского зрителя.

## Мои встречи с С. М. Михоэлсом

Леонид ЛЕОНОВ

В декабре прошлого года после предвыборного собрания избирателей почти случайно произошёл у меня разговор с С. М. Михоэлсом и Ю. А. Завадским о возможности создания нового театра. В беседе приняли участие литератор Бялик и режиссер Басин. Это были еще далекие предположения, мечтания о том, каким мог бы быть такой желательный театр, как и с чего он начнет работу. Если коротко охарактеризовать замысел, то речь шла о театре «большой точности».

С. М. Михоэлсу очень нравилась эта идея. Он говорил о том, что для предварительной, студийной работы хорошо бы иметь сюжет, наметку, которую могли бы решать актеры. Как-то возникла мысль об одной из самых ранних моих пьес. Она слаба по выполнению, но короткий сюжет ее действенен и построен так, что ни одно предшествующее положение не предсказывает следующее.

Соломон Михайлович хотел возобновить ее в памяти и просил прислать ему книгу.

Но всего этого не случилось. Жизнь построила сюжет еще бо-

лее острый и еще более неожиданный...

На этом маленьком нашем совещании С. М. Михоэлс много говорил о значении для драматургии точного, образного литературного слова. С этого начинается драматургия, без этого ее нет. Слово — первичная, основная краска на палитре человеческих эмоций. От слова рождаются и ситуация, и конструкция пьесы, и необходимая художественная и общественно-политическая точность.

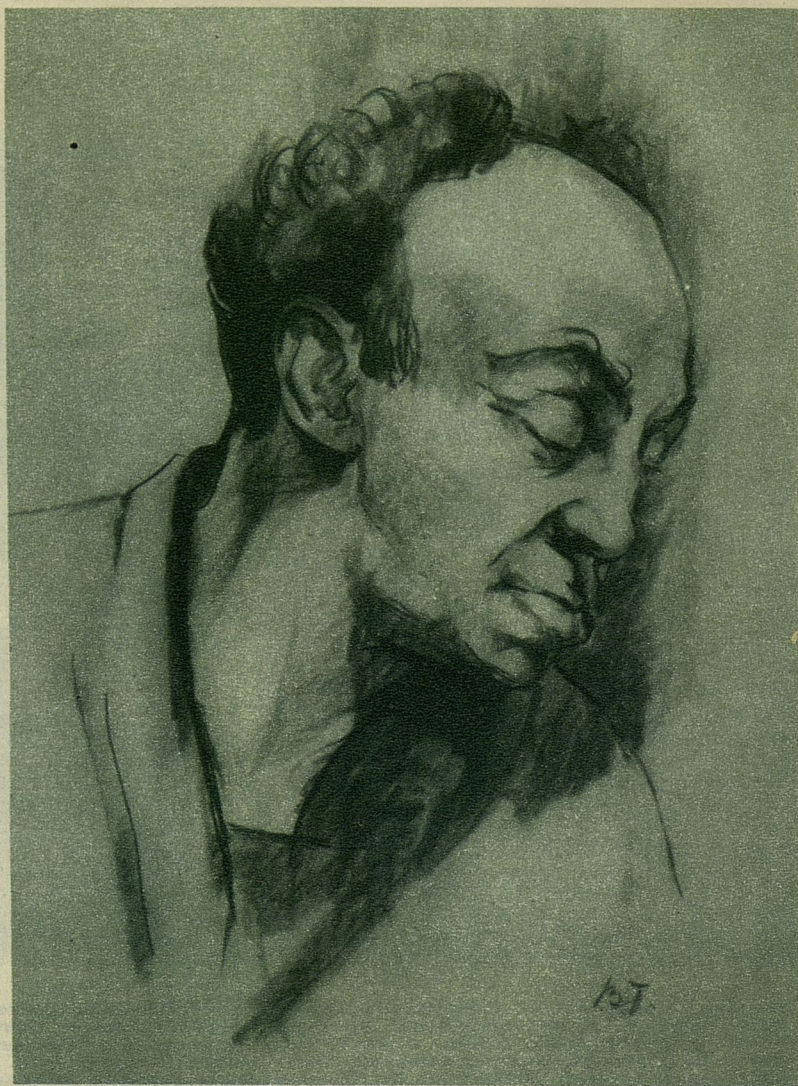
Вряд ли кто еще так глубоко, как С. М. Михоэлс, понимал все значение слова в драматургии наших дней (в этом смысле его можно было бы сравнить только с К. С. Станиславским). С благодарностью вспоминаю я, с какой тонкостью чувствовал Соломон Михайлович красоту и поэзию русского слова, освобожденного под рукой художника от налипших на него в обиходе ассоциаций, неизвестностей, склеротических наслоений, — слова, выходящего на свободный простор — за рамки этих ассоциаций.

Эти мысли Соломон Михайлович неоднократно высказывал и на Художественном совете Всесоюзного комитета по делам искусств и — в последнее время — на заседаниях жюри Всесоюзного конкурса на лучшую пьесу, где мы часто встречались.

Мне кажется, что выдержки из его суждений о слове, собранные, отредактированные и опубликованные в отдельной статье, могли бы сыграть очень полезную роль для тех современных драматургов, которые относятся к слову небрежно и у которых слово, как нелюбимый — щербатый, заржавленный — инструмент в сумке нерадивого мастера.

С. М. Михоэлс собирался поставить в Госете одну из моих пьес и сыграть в ней характерную роль. Он уже знакомил меня со своей режиссерской и актерской трактовкой пьесы, и я поражался глубине замысла, уменью этого мастера проникнуть далеко за оболочку слов.

Каждая театральная постановка представляется мне пединком театра (актера, режиссера) с автором. Спектакль выясняет, кто сильнее. По этому поводу вспоминаются слова В. И. Немировича-



С. М. МИХОЭЛС.

Рисунок В. Тарасовой

ча-Данченко, сказанные автору на премьере «Половчанских садов» в МХАТ: «Я чувствую, что в этом спектакле мы вам недодали. Надеюсь в будущей постановке «передать» вам».

Предстоящий пединок с С. М. Михоэлсом казался мне чрезвычайно интересным, и я с большим и вполне понятным нетерпением ждал осуществления постановки. Но по разным причинам постановка была отложена...

Позднее С. М. Михоэлс сказал, что он пошел бы в другой театр, где будет ставиться пьеса, чтобы уже на русском языке сыграть в ней заинтересовавшую его роль. Мне представляется, что это был бы драгоценный подарок не только для меня, но и для всего советского театрального искусства: при своих громадных актерских достоинствах С. М. Михоэлс вскрывал в каждой роли ее общечеловеческую сущность.

Это доступно только талантливому актеру и одновременно большому, человеческому Человеку, каким и был Соломон Михайлович.

С. М. Михоэлс был чудесный собеседник, человек широкого кругозора и всесторонней культуры, острого, пронзительного ума, великолепно эрудированный в вопросах философии. Он много рассказывал об Эйнштейне, с которым он встречался в США в годы войны.

Михоэлс был артист-трибун, артист — общественный и политический деятель. Всем памятна его поездка в США, где он достойно

представлял советский народ, советскую культуру, советский театр.

Всем памятна его пламенные речи на многолюдных митингах и по радио, речи в защиту права и справедливости от фашистского варварства.

Страна любила и знала не только Михоэлса-художника, но и Михоэлса-человека, гражданина. Художник и гражданин объединялись в нем в одно гармоническое целое. Он перерос рамки своего национального театра.

То, что было накоплено им в вековом процессе еврейской национальной культуры, претворилось в его творчестве в культуру общечеловеческую и, как ручеек, влилось в многонациональный поток культуры нашей Родины. Его благодарными зрителями были и люди, не знающие еврейского языка: он умел вывести своего героя за грани национальной речи. И его понимали все!

В последний, дальний путь Михоэлса провожали искренние его почитатели: люди всех национальностей, всех возрастов, профессий, различных творческих убеждений. Они пришли отдать его праху последний долг благодарности и скорби.

Художественная Москва хоронила не только блистательного артиста и режиссера — художественная Москва хоронила народного артиста Советской страны, художественная Москва хоронила Человека, Брата и выдающегося современника.



Лауреат Сталинской премии народного артиста Союза ССР С. М. Михоэлс в роли короля Лира.

Фото А. Горнштейна